

ОБРАЗ ПРОХОЖЕГО В «ВИШНЕВОМ САДЕ» А.П. ЧЕХОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ЖИТИЙНЫЙ И БИБЛЕЙСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.Н. Гончарова

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

В статье анализируется образ Прохожего, персонажа «Вишневого сада» А.П. Чехова. В основе методологии лежит дискурсологический подход, предусматривающий обращение к экстралингвистическому контексту. Обнаружено, что к числу источников формирования образа относятся следующие: «Гамлет» Уильяма Шекспира (Прохожий сопоставлен с Клавдием); Притчи Соломона; пьеса Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» (сопоставлен с Билли Дэнном); жития прп. Алексия, человека Божия, и св. мч. Вонифатия Тарсийского; новозаветные притчи о богаче и нищем Лазаре и о блудном сыне; творчество Н.В. Гоголя (в частности, повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); Книга Иисуса Навина (Прохожий сопоставлен с жителями Гаваона, установлена связь с рассказом о падении Иерихона). Проведены параллели с образом Иисуса Христа, который представлен в пародийной обработке, мифопоэтическими представлениями, связанными с грозой, мифом о Деметре. Новизна исследования заключается в том, что образ Прохожего рассмотрен на основе анализа как лингвистического, так и экстралингвистического контекста.

Ключевые слова: «Вишневый сад», А.П. Чехов, Прохожий, «Гамлет», Книга Иисуса Навина, Иисус Христос, прп. Алексий, св. мч. Вонифатий, притча о блудном сыне, дискурсологический подход.

Образ Прохожего не раз попадал в поле зрения чеховедов. Приведем краткий обзор результатов. По словам Э.А. Полоцкой, Прохожий – «незнакомец, чужой человек...», который «проходит мимо тех, кто даже во время гулянья не забывает о предстоящем аукционе. <...> ...Это было предвестие больших перемен в обществе, которое для дворянского сословия было подобием „несчастья“ в том смысле, которое придал Фирс событиям 1861 г.» [20, с. 28]. Исследовательница отмечает, что «тревожные звуки» раздаются «впервые перед явлением Прохожего, а в финале при лежащем „неподвижно“ старом слуге в заколоченном доме» [20, с. 44].

Б.В. Тулинцев приписывает Прохожему как бы хтоническое происхождение: он «вырос» «из-под земли». Цель появления – «утешить... людей перед их „несчастьем“». «Гениальным центоном» Прохожий «указывает настоящему времени его исток, являясь одновременно глумливым вестником будущего» [20, с. 66–67].

В.В. Гульченко сближает Прохожего с Пищиком в 4-м акте. Он также «своего рода *неожидаемый* Годо», «последний *Другой*... своего рода „инопланетянин“, фантом». Исследователь подчеркивает способность Прохожего «перевести стрелки сюжета с рельсов комедии на рельсы трагедии», открыть «другой ракурс восприятия всего происходящего – вернее, всего *непроисходящего*», которое и составляет «истинный сюжет пьесы». [20, с. 79–80].

У Андрея Белого Прохожий вызывает чувство ужаса, ассоциируясь с «роковым хаосом»: «Вот

сидят измученные люди, стараясь забыть ужасы жизни, но *прохожий идет мимо... Где-то обрывается в шахте бадья*. Всякий понимает, что здесь – ужас», трактуемый как «тревожный лейтмотив грозы... нависающая туча». Помимо «прохожего из лесу» к «маскам ужаса» относятся и «кривляющаяся гувернантка... лакей Яша, спорящий о шампанском... грубящий конторщик», почтовый чиновник, начальник станции [20, с. 122–123].

По мнению Питера Брука, «Вишневый сад» «балансирует между двумя полюсами», на одном из которых находится Прохожий, на другом – Аня, единственный персонаж, обладающий «жизненным потенциалом». «... Прохожий, полубродяга, полупьяница, персонаж в духе Бунюэля, выводит нас за границы узкого мирка в мир нищеты и страха. Сцена с его участием очень жестока» [20, с. 240].

М.И. Туманишвили рассматривает появление Прохожего в контексте спора Трофимова и Лопухина, людей с «разным кодексом нравственности» («...они говорят на разных языках, как когда-то в Вавилоне»), некомпетентности Гаева в вопросе спасения сада («Знал, но забыл»), рассуждения Раневской о «причинах несчастья их семьи: наши грехи!» (по мнению Е.Д. Табачникова, это «желание каяться, исповедоваться» – «очень важный взлет души» [20, с. 337]), безнравственности Лопухинского плана. Прохожий отождествляется со «страшным призраком», возникающим «как из преисподней». Он принадлежит к «особому типу людей... [которым] все можно... <...> [Они] иронически относятся к этическим нормам общества. Может быть, это и есть СВОБОДА?» [20, с. 290].

К.М. Гинкас сопоставляет появление Прохожего с описанием шума моря (который «говорил о покое, о вечном сне») в «Даме с собачкой» – «посерединке происходит нечто совсем неуместное» [20, с. 366–367].

«Кто он? Бродяга? Опустившийся мастерской? Человек, выбитый из жизни горем, войной?», – вопрошает А.М. Вилькин. Внимание исследователя привлекает сходство реплик «Тут можно пройти-с?» и «...могу ли я пройти здесь прямо на станцию?» И Яша, и рассматриваемый персонаж – «„прохожие“, люди мимохожие, пустые. Недаром в русском языке это слово означает не только беглых, бродяг, но бесплодное место. Как говорят в народе: „На прохожей (битой или торной) дороге трава не растет“» [20, с. 380].

С точки зрения Людмила Димитрова, «в гениальной сцене с Прохожим метафоризируется трансформация топоса... <...> Усадьба и сад уже не воспринимаются как „обетованное пространство“, как чья-то собственность, – они... прямая дорога на вокзал...» «„Темнеющие“ тополя – деревья смерти... еще в древности сопровождавшие Геркулеса в ад... Дорога, вдоль которой стоят тополя, – это inferнальный указатель потустороннего, где надежда на воскресение – напрасна» [20, с. 396].

А.В. Королев видит в Прохожем «покойника, который живет в пьесе едва ли больше минуты». В отличие от душ, которые «ждут жертв... хотят искупления прошлого», он все-таки «получает дар» [20, с. 434–435].

Ю.В. Доманский сопоставляет декламации Прохожего и начальника станции; первая «как контекст уже по принципу сходства действия... отнюдь не возвыша[ет] ни Начальника станции, ни его „номер“» [20, с. 471].

П.Н. Долженков отмечает, что Прохожий «царствует» в «пошлом, скучном, бесцветном мире, совокупности атомов и молекул» [7, с. 50]. По мнению исследователя, он сближаем с Раневской: сделал «так откровенно и грубо... то, что собиралась сделать Любовь Андреевна (низкий мотив „деньги“, одеть в красивые одежды)» [7, с. 90].

Внимание исследователей в основном сосредоточено на анализе лингвистического контекста. Цель статьи – расширить рамки понимания Прохожего за счет обращения к фактору экстралингвистического контекста, а именно интертекста.

Опираясь на представления о «фантомном», «хтоническом» происхождении бродяги, можно выдвинуть гипотезу: одним из источников формирования его образа служит Клавдий, дядя Гамлета. В строках, продекларированных «голодным россиянином», угадывается ссылка на «жертву» короля: «Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон...»¹ (Раневская «пробовала отравиться»). В схожей сцене с Яшей, отмеченной А.М. Вилькиным, упомянут Федор Козоедов, отец Дуняши.

¹ Цитаты приведены по изданию [19].

«Звук лопнувшей струны», предшествовавший появлению бродяги, вызывает в памяти предвестия убийства Юлия Цезаря: «...Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц / Визжали и гнусили мертвецы...»².

В уста Лопихина вложены искаженные цитаты из трагедии. Если Прохожий «переигрывает», то купец иронически снижает. Его замечание «Всякому безобразию есть свое приличие!» перекликается с советом Гамлета: «...в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру...» Уж не Лопихин ли, любитель водевилей с пальцами артиста, нанял Прохожего, быть может, актера по профессии, чтобы загнать в мышеловку владельцев имения? Как и «придворный спектакль», встреча с бродягой «приходится примерно... посредине» пьесы [2, с. 62]; как и у Озрика, пригласившего Гамлета на поединок с Лаэртом, «его кошелек уже пуст. Все золотые слова истрочены». Ср. фразы Гаева из 4-го акта: «Спасибо, братцы, спасибо вам»; «Сестра моя, сестра моя...» (дважды); как и Лопихин в начале 1-го акта, помещик вспоминает покойного отца³. Прохожий – символ бедности, сопоставимой с ленью и глупостью (ср.: «Что же со мной, глупой, делать!»), отсылающий к Притчам Соломона: «Доколе ты, ленивец, будешь спать? <...> ...И придет, как прохожий, бедность твоя, / И нужда твоя, как разбойник» (6:9, 11)⁴.

«Звук лопнувшей струны» сравнен с голосом цапли, упоминаемой Гамлетом: «...когда ветер с юга я отличаю сокола от цапли». Слово *handsaw* («цапля») перекликается с наставлением Гамлета, касающимся актерской игры: «Nor do not saw the air too much with your hand (курсив наш. – Н. Г.)». «Пиление» воздуха руками – отличительная черта Лопихина: «...позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками!». Добавим, что подобная привычка свойственна Раневской, Гаеву, Ане, Яше. Проведем аналогию с персонажем повести Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Степаном Ивановичем Курочкой, имевшим «примету: когда ходит он, то всегда размахивает руками»⁵, за что и был прозван «ветряной мельницей». Ванюша Шпонька, евший в классе блин, – «на эту пору [как и Прохожий] был голоден» – высечен по рукам: «...руки виноваты, зачем брали...» Примечательно, что одним из занятий Шпоньки во время службы в пехотном полку было «стави[ть] мышеловки по углам своей

² Цитаты из трагедии Уильяма Шекспира «Трагедия о Гамлете принце Датском» приведены по изданию [21].

³ Воспоминания Лопихина об отце сопровождаются ремаркой «холодно, утренник». Холод ассоциируется с Парижем, куда ездил отец Гаева. Трехградусный мороз – пародия на «большой мороз», в условиях которого произошла встреча Гамлета с Призраком. «Холодно... чертовски» в опустевшем доме 4-го акта.

⁴ Цитаты из Библии приведены по изданию [17].

⁵ Цитаты приведены по изданию [5].

комнаты». В образе Лопихина подчеркнуты «нежные пальцы» – ср. «сильнорукого» Фортингбраса (см. [18]), сопоставимого с вымышленным генералом, готовым «дать под вексель». Болтовня «чужого старика» (о продаже сада) на кухне сближаема с болтанием рук купца, ставших, «точно чужие». Лопихин, привычно смотрящий на часы, вызывает в памяти ветряк «Степи», символ времени (см., например, [6]). Фраза Фирса «а теперь все враздробь» созвучна диагнозу, поставленному Гамлетом: “The time is out of joint...”, то есть «Время вывихнуло сустав... не может идти естественно и нормально» [2, с. 85]⁶. В пьесе Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» Босс Менген вывихнул носовую перегородку (“out of joint” [22, с. 60]) в борьбе с Билли Дэном, ложным отцом Элли, которого Э.А. Полоцкая сравнивает с Прохожим [14]. У Лопихина от удара отца «кровь пошла из носу».

Источником образа Прохожего, возможно, служит житие прп. Алексия, человека Божия [8, т. 1]. Память отмечается 17 марта. Семнадцать лет святой прожил чужаком в доме отца, таков же возраст Ани. Его именем назван Лопихин-старший; имя отца Алексия носит слуга Ефимьюшка. Золотой Раневской сопоставим с золотым перстнем, который святой подарил невесте; в Эдессе он получил милостыню от своих слуг. В числе подарков был и пояс – Шарлотта «поправляет пряжку на ремне» (об образе ремня см. также ниже). «Старая фуражка» гувернантки и «потасканная фуражка» Прохожего, возможно, служат пародией на царский венец, с которым сравнен Святой Дух, почивавший на Алексии. Епиходовское сравнение «как буря к небольшому кораблю» (смирение конторщика – пародия не только на монолог Гамлета и стоицизм Горация, но и на отмеченное в житии терпение святого) напоминает историю возвращения в Рим: разыгралась буря, изменившая первоначальный маршрут.

Жизнь Алексия при дверях дома вызывает в памяти образ нищего Лазаря (Лк. 16:19–31) – Прохожий «поет Лазаря». (Проведем параллель к «Гамлету»: тело короля покрыли стружья, «как Лазарю».) Раневская, прося о великодушии «хоть на кончике пальца...», «цитирует» богача – имение переходит в «нежные пальцы» Лопихина. Между тем именно Алексия призвал молиться за город голос, раздавшийся во время Божественной литургии. Всенощное бдение было совершено вечером в четверг – в этот день недели Гаева в окружном суде обнадежили «займом под векселя», а Пищик обещает вернуть оставшийся долг. Доба-

вим, что невеста ждала Алексия тридцать четыре года – Варя (именно к ней обращена просьба Прохожего) на десять лет меньше, однако, подобно Марье Григорьевне Сторченко, ей не суждено пойти под венец.

В образе Прохожего угадываются аллюзии к житию св. мч. Вонифатия Тарсийского (память 19 декабря). В церкви св. Вонифатия венчался прп. Алексей; над храмом возвели храм, посвященный святому [8, т. 3]. Вонифатия называют пьяницей – Прохожий «слегка пьян» (Клавдий, как и отец Лопихина, склонен к употреблению спиртного). Ср. эйфорию купца, вызванную покупкой имения: «Скажите мне, что я пьян... Не смейтесь надо мной!» (говоря о предстоящем мученичестве, Вонифатий (заодно с Аглаидой и слугами) смеется). Поводом к гибели святого служило лобызание мучеников, пародией на которое, возможно, является центон Прохожего. Своего рода центон, состоящий из житий, указывает на карнавалы подтекст пьесы. Алексей – чужой в доме отца; Вонифатий, чужестранец в киликийском Тарсе, стал «своим» (первому соответствует Варя, второму – Шарлотта). Господин дома превратился в раба, раб – в господина (Аглаиды). Имение последней расположено приблизительно в девяти верстах от Рима [8, т. 3], в два раза дальше расстояния, отделяющего имение Раневской от «большого города». Помещицу называют «великолепной», «прекрасной», «прекраснейшей» – ср. происхождение имени ‘Аглаида’ – «от греч. *aglaos* – блистающий, великолепный, прекрасный и *eidos* – вид, внешность» [13, с. 40].

Житие прп. Алексия перекликается с притчей о блудном сыне (Лк. 15:11–32). Подобно последнему, Раневская в «дальней стороне» «расточил[а] имение свое, живя распутно» (15:13). Самосравнение Лопихина со свиньей служит отсылкой к занятию блудного сына, нанявшегося свинопасом в «великий голод» (15:14). Пародией на притчу является, по-видимому, жизнь Шарлотты. Родители мертвы, то есть возвращаться некуда. Сальтомортале, смертельный прыжок, исполнившийся ей в детстве на ярмарке, также дискредитирует идею воскресения, заложенную в фигуре круга. Не случайно и место действия 2-го акта – часовня и камни, напоминающие «могильные плиты». Оппозиция ярмарки и кладбища свойственна творчеству Н.В. Гоголя: «Ярмарка – смех. Кладбище – слезы. Ярмарка солнечна, кладбище озарено луною. Ярмарка – цветение и плоды. Кладбище – гниение... Ярмарка – изобилие. Кладбище – запустение... Ярмарка – все. Кладбище – ничто» [16, с. 165].

По аналогии с гоголевским «Носом» в «Вишневом саде» выделяем каламбур «сон-сын» (В.Н. Турбин назвал нос «блудным сыном» майора Ковалева и указал на каламбуры «нос-сын» и «нос-сон» [16, с. 84]). Прохожий, составляющий, по мнению В.В. Гульченко, с Симоновым-Пищиком (в 4-м акте) «вертикаль» пьесы [20, с. 79], цитирует Се-

⁶ Трудности при передвижении испытывают и люди, и техника: так, «поезд опоздал на два часа», Епиходов носит скрипучие сапоги, Фирс опирается на «палочку», Пищик – подагрик, Прохожий «слегка пьян», Петя упал с лестницы – ср. происхождение имени ‘Клавдий’ – «от лат. *claudus* – хромым» [13, с. 133].

мена Надсона, его появлению предшествует Семен Епиходов. Согласно представлениям еврейского народа, «сына называют “семенем”» (ср., например, Быт. 15:3; 22:16–18; 38:8) [15, с. 1177]. Мотив сна реализован в «Размышлениях у парадного подъезда»: и вельможа, и народ спят. Семена, оказывающие снотворное воздействие, – мак (выращенный Лопехиным), пользуясь выражением Гамлета, «...буйный сад, плодящий / Одно лишь семя; дикое и злое / В нем властвует». К пище для мертвых относится и огурец, съедаемый Шарлоттой, – вид египетской пищи, употреблявшейся израильянами в плену. Ваал, упомянутый в стихотворении Надсона, с одной стороны, сопоставим с откормленным теленком, «символом радостного праздника в притче о блудном сыне (Лк. 15:23)» [15, с. 1186], а с другой – с образом золотого тельца: Раневская собирается «устроить вечерок» – ср.: «...и сел народ есть и пить, а после встал играть» (Исх. 32:6). Отсюда в вырубке вишневого сада угадывается пародия на «возобновление завета»: Господь повелевает вырубить «священные рощи» язычников (Исх. 34:13) [17, с. 144].

Представление о Прохожем как о человеке, пострадавшем от войны (выдвинутое А.М. Вилькиным), перекликается со словами Иисуса Навина, принявшего «голос народа шумящего» за «крик войны в стане», а не за «голос поющих» (Исх. 32:17–18). В начале 2-го акта поют Епиходов и Яша (ср. «песню, подобную стону»⁷). Сравнение с шакалами напоминает пророчество о судьбе Вавилона: «Шакалы будут выть в чертогах их...» (Ис. 13:22). Вою противопоставлен «звук лопнувшей струны», сближаемый со «звуками струн», которыми Езекия, благодаривший Бога за продление жизни, намеревался «воспевать песни в доме Господнем» (Ис. 38:20).

Образ Прохожего связан, как представляется, еще с одним ветхозаветным источником – рассказом о мирном договоре, заключенном израильянами с жителями Гаваона (И. Нав. 9). Вопрос Иисуса Навина «Для чего вы обманули нас, сказав: “Мы весьма далеко от вас”, тогда как вы живете близ нас?» (9:22) перекликается со строками «Размышлений...»: крестьяне пришли издалека («Знать, брели-то долго они / Из каких-нибудь дальних губерний»). Прохожий пародирует по отношению к мужикам (те сами предлагают «скудную лепту», а он просит у Вари; у мужиков «непокрытые головы», а Прохожий носит фуражку; мужики «все пропьют... до рубля», а Прохожий «слегка пьян») и, следовательно, сближаем с жителями Гаваона. «Таинственная даль» упомянута в романсе Д.К. Сартинского-Бей, напеваемого Яшей [20, с. 563].

Большой город, расположенный «далеко-далеко на горизонте», сопоставим с Иерихоном, одно из значений которого – ‘луна, месяц’ [12, с. 212]. Упоминания ночного светила составляют компо-

зиционное кольцо 2-го акта: Епиходов, как отметила Н.Ф. Иванова [20], исполняет романс «Спрятался месяц за тучку», Аня и Петя встречают восход луны. В конце акта Аня ведет Петю к реке – переход в Землю Обетованную был совершен через Иордан (И. Нав. 1:2).

Луна видна благодаря «превосходной» (Прохожий), «удивительной» (Трофимов) погоде – «большой город... бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду». Музыка, исполняемая еврейским оркестром, возможно, служит реминисценцией рассказа о падении Иерихона (И. Нав. 6), а также перекликается с воздушной атакой 3-го акта «Дома, где разбиваются сердца» – ср.: “And the sound in the sky: it’s splendid: it’s like an orchestra: it’s like Beethoven” [22, с. 87]. Атмосферное происхождение, видимо, имеет и «звук лопнувшей струны». Раневская обозначает его вопросом «Это что?», который является метатезой слова ‘манна’ (Исх. 16:15) [15, с. 599]. Дождь не пошел: тучка «рассеялась», а значит, и Иерихон не пал (громами повелевает спящий вельможа «Размышлений...»). Как раскаты грома, оглушила перспектива женитьбы Ивана Федоровича Шпоньку. Примечательно, что «добропогодная» – эпитет Деметры [9]. «Поиски» Вари в конце 2-го акта позволяют сопоставить ее с Гекатой, дочь Деметры, услышавшей крики Персефоны, а по освобождению «заклучившей [ее] в объятья» [9]. Горюющая богиня похожа на няню или ключницу [10], функции которой выполняет «монашка» Варя, вероятно, «иной, более духовный и трансцендентный» аспект элевсинской богини [10, с. 56] (няня Раневской умерла). Миф о Деметре отражен в «событиях... во второй половине каждого месяца, когда у луны отнимают ее часть и она блуждает в поисках похищенного до тех пор, пока... не исчезает в полной темноте...» [10, с. 147]. «Яркая звезда», на которую держит путь Петя, сопоставима с «влажной звездой», упомянутой Горацио, под последней понимается луна [1]. Лунному затмению, предвещающему гибель Цезаря, противопоставлена восходящая луна. Можно предположить, что «планеты», о которых рассуждал Петя, – отсылка к «Геркулесу вместе с его ношей», «эмблеме театра „Глобус“... Геркулес, поддерживающий небесную сферу» [21, с. 402]; Аня летала на воздушном шаре – ср. эпизод из жития св. Христофора, переносившего Младенца Христа. «...Власть забрали дети...»

К числу атмосферных метафор относимы горох, молочный суп, которыми кормят в имении, орехи, поедаемые собакой Шарлотты. Горох и орехи в народном сознании отождествляются с громом [3, т. 2], молоко – с дождем [3]. Рассыпавшиеся золотые, собранные Яшей, золотой, полученный Прохожим, – метафоры солнца, оказавшегося в руках темных личностей. Старый слуга Евстигней, «от греч. eu – хорошо и лат. signum – знак» [13, с. 106], распутивший слух о Вариной скупости, связан с «проходимцами». Можно предположить,

⁷ Цитаты приведены по изданию [11].

что Прохожий – пародия на Симеона Богоприимца⁸ (Фирс приблизительно одного возраста с пророчицей Анной, подобно которой Дуняша с начале 1-го акта держит свечу).

Закат совпадает с появлением Епиходова. Ср. параллельные конструкции: «Епиходов идет...» и «Кто-то идет» (о Прохожем). В вопросе Прохожего, видимо, содержится отсылка к призыву Иоанна Крестителя «прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3:3 и пар.). Иоанн «недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви» Иисуса Христа (Мк. 1:7 и пар.) – ср.: «...длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень...» Петя, призывающий «взглянуть правде прямо в глаза», обещает достигнуть «высшей правды» и «высшего счастья» или «ука[зать] другим путь». Смерть сына была для Раневской «ударом прямо в голову» (аллюзии к Страстям Христовым содержатся в стихотворении С.Я. Надсона). Можно предположить, что конторщик – пародия на Предтечу, а Прохожий – на Спасителя; просьба о тридцати копейках сближает образ последнего с Иудой. Пародийность образа Епиходова выражена, например, в том, что Иоанн – «глас вопиющего в пустыне», а конторщик «говорит сиплым голосом»: «Сейчас воду пил, что-то проглотил». Насекомые – причина его несчастья: «страшной величины паук» оказывается утром на груди, «что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана»⁹, – в квасе. Иоанн Предтеча, как известно, питался акридами и не пил «вина и сикера» (Лк. 1:15). Примечателен извод «Иоанн Предтеча – ангел пустыни». Пророк изображается держащим «в левой руке чашу с собственной отрубленной головой» [4, с. 158]. Контекстуальное сближение Епиходова с великанами (Иоанн называет Иисуса «Сильнейшим»), его склонность к гиперболе контрастируют со словами Иисуса Христа: «...меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф. 11:11 и пар.). Проведем аналогию с Пищиком: если бы не «поиски денег», он был бы способен «перевернуть землю». Самосравнение Епиходова с насекомым вызывает в памяти образ Озрика, называемого Гамлетом «мошкой». Конторщик раздавил шляпу – Гамлет заставил придворного ее надеть. Раздавленная картонка противопоставлена «высокой шляпе», в которой впервые появляется Фирс, – ср. фразу Гаева: «...дело наше в шляпе».

⁸ Ср. имена других слуг: 'Поля', производное от имени 'Апполинария', восходит к «притяж[ательному] прил[агательному] к Apollon», «бог солнца, мудрости...» [13, с. 54]; 'Карп' – «от греч. karpos – плод» [13, с. 129].

⁹ Ср. предостережение Лаэрта, адресованное сестре: «...Червь часто точит первенцев весны, / Пока еще их не раскрылись почки...» К неприятностям Епиходова отсылает своего рода центон, составленный на основе «Гамлета» и «Ивана Федоровича Шпоньки...»: в «преддверия ушей» Гамлета-старшего был налит яд (укус змеи – ложная причина смерти); в левое ухо Григория Григорьевича Сторченки «залез таракан» (упомянуты «щи с тараканами»).

Образ срубленного дерева из проповеди Предтечи пародийно представлен полочкой кия.

Подводя итоги, отметим, что экстралингвистическим контекстом образования образа Прохожего служат переключки с «Гамлетом» Уильяма Шекспира, Притчами Соломона, пьесой Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца», житиями прп. Алексия, человека Божия, и св. мч. Вонифатия Тарсийского, новозаветными притчами о богаче и нищем Лазаре и о блудном сыне, творчеством Н.В. Гоголя (в частности, повестью «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), Книгой Иисуса Навина. Важную роль играет обращение к образам Иоанна Предтечи, Иисуса Христа и Иуды, мифопоэтическим представлениям о грозе, мифу о Деметре. Житейные и новозаветные источники подверглись пародийной обработке.

Литература

1. Азимов, А. Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы / А. Азимов. – М.: Центрполиграф, 2017. – 811 с.
2. Аникст, А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». Лит. коммент.: Кн. для учителя / А.А. Аникст. – М.: Просвещение, 1986. – 124 с.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Академ. проект, 2013.
4. Барская, Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи / Н.А. Барская. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
5. Гоголь, Н.В. Иван Федорович Шпонька и его тетушка / Н.В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. – М.: Азбука-классика, 2008. – С. 267–295. – http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171959 (дата обращения: 24.07.2021).
6. Громов, М.П. Чехов / М.П. Громов. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 394 с.
7. Долженков, П.Н. «Как приятно играть на мандолине!»: о комедии Чехова «Вишневый сад» / П.Н. Долженков. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 184 с.
8. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: в 3 т. Т. 1, 3. – М.: Харвест, 2002.
9. Гомеровы гимны. Гимн V. К Деметре // Эллинские поэты / пер. В.В. Вересаева. – М.: Худож. лит., 1963. – <http://ancientrome.ru/antlitr/homer/hymn/demetra.htm> (дата обращения: 22.06.2021).
10. Кереньи, К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери: пер. с англ. / К. Кереньи. – М.: Рефл-бук, 2000. – 288 с.
11. Некрасов, Н.А. Размышления о парадного подьезда / Н.А. Некрасов // Лирика. – М.: Совет. Россия, 1978. – С. 63–66.
12. Никифор (Бажанов), архимандр. Иллюстрированная библейская энциклопедия / Никифор (Бажанов). – М.: Эксмо, 2016. – 640 с.

13. Петровский, Н.А. *Словарь русских личных имен: ок. 2600 имен / Н.А. Петровский. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1980. – 384 с.*
14. Полоцкая, Э.А. «Вишневый сад»: жизнь во времени / Э.А. Полоцкая; науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2004. – 381 с.
15. *Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. – СПб.: Библия для всех, 2008. – 1423 с.*
16. Турбин, В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров / В.Н. Турбин. – М.: Просвещение, 1978. – 238 с.
17. Учебная Библия с комментариями Джона Мак-Артура. – Лавс Парк: Славянское Евангельское Общество, 2004. – 2201 с.
18. Чернов, А.Ю. *Говорящие имена в «Гамлете» / А.Ю. Чернов. – <https://nestoriana.wordpress.com/2013/02/15/poetika-zagadok-gamleta> (дата обращения: 01.08.2021).*
19. Чехов, А.П. *Вишневый сад / А.П. Чехов. – М.: Дет. лит., 1978. – 59 с.*
20. Чеховиана: «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / отв. ред. В.В. Гульченко. – М.: Наука, 2005. – 594 с.
21. Шекспир, У. *Трагедия о Гамлете принце Датском / У. Шекспир; пер. с англ., вступ. ст., прим. М.Л. Лозинского. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 416 с.*
22. Shaw, G.B. *Heartbreak house / G.B. Shaw. – Stilwell, KS: Digireads.com. – 89 p.*

Гончарова Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Институт языкознания Российской академии наук (Москва), nng@bk.ru

Поступила в редакцию 4 августа 2021 г.

DOI: 10.14529/ling210402

IMAGE OF PASSER-BY IN ANTON CHEKHOV'S THE CHERRY ORCHARD: LITERARY, HAGIOGRAPHICAL, AND BIBLICAL ASPECTS

N.N. Goncharova, nng@bk.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The article analyses the image of the Passer-by, a character of Anton Chekhov's *The Cherry Orchard*. The methodology is based on the discoursological approach, providing for the use of extralinguistic context. It is found that the sources of the formation of the image are as follows: *The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark* by William Shakespeare (the Passer-by is compared to Claudius); the Book of Proverbs; George Bernard Shaw's *Heartbreak House* (he is compared to Billy Dunn); the life of Saint Alexius and that of Saint Boniface of Tarsus; the parable of the rich man and Lazarus and that of the prodigal son; the work of Nikolai Gogol (in particular, his novella "Ivan Fyodorovich Shponka and his aunt"); the Book of Joshua (the Passer-by is compared to the people of Gibeon; a link is established with the story of the fall of Jericho). One can draw parallels with the image of Jesus Christ (which is treated parodically), the mythopoetic ideas connected with thunderstorm, the myth of Demeter. The novelty of the research lies in the fact that the image of the Passer-by is examined on the basis of the analysis of both linguistic and extralinguistic contexts.

Keywords: *The Cherry Orchard, Anton Chekhov, Passer-by, The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark, the Book of Joshua, Jesus Christ, Saint Alexius, Saint Boniface of Tarsus, the Parable of the Prodigal Son, discoursological approach.*

References

1. Asimov I. *Putevoditel' po Shekspiru. Anglijskie p'esy* [Asimov's Guide to Shakespeare. The English Plays]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2017. 811 p.
2. Anikst A.A. *Tragediya Shekspira "Gamlet". Lit. komment.: Kn. dlya uchitelya* [Shakespeare's Tragedy *Hamlet*. A Literary Commentary: a Book for the Teacher]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 124 p.
3. Afanasiev A.N. *Pojeticheskie vozrenija slavjan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: Experience of Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with Mythical Tales of Other Kindred Nations: in 3 Vols.]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2013.
4. Barskaya N.A. *Syuzhety i obrazy drevnerusskoj zhivopisi* [The Subjects and Images of Old Russian Painting]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1993. 223 p.

5. Gogol N.V. *Ivan Fedorovich Shpon'ka i ego tetushka* [Ivan Fyodorovich Shponka and his Aunt]. *Vechera na hutore bliz Dikan'ki* [Evenings on a Farm near Dikanka]. Moscow, Azbooka-classic Publ., 2008, pp. 267–295. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171959 (accessed 24.07.2021).
6. Gromov M.P. *Chehov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1993. 394 p.
7. Dolzhenkov P.N. “*Kak priyatno igrat' na mandoline!*”: o komedii Chehova “*Vishnevyy sad*” [“How Nice it Is to Play the Mandolin!”: on Chekhov's Comedy *The Cherry Orchard*]. Moscow, MAKS Press, 2008. 184 p.
8. *Zhitija svyatykh na russkom jazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ih-Minej svyatitelja Dimitrija Rostovskogo s dopolneniyami, ob'jasnitel'nymi primechaniyami i izobrazheniyami svyatykh: v 3 t. T. 1, 3* [The Lives of Saints by St Dimitry of Rostov: in 3 Vols. Vols. 1, 3]. Moscow, Kharvest Publ., 2002.
9. *Gomerovy gimny. K Demetre* [Homeric Hymns. To Demeter]. *Ellinskie poety* [Hellenistic Poets]. Translated by V.V. Veresaev. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1963. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/homer/hymn/demetra.htm> (accessed 22.06.2021).
10. Kerényi C. *Elevsin: arhetipicheskij obraz materi i docheri* [Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter]. Moscow, Refl-book Publ., 2000. 288 p.
11. Nekrasov N.A. *Razmyshleniya o paradnogo pod"ezda* [Musings by the Front Door]. *Lirika* [Lyric Poetry]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1978, pp. 63–66.
12. Nikifor (Bazhanov), archim. *Illustrirovannaya biblejskaya enciklopediya* [Illustrated Biblical Encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 640 p.
13. Petrovskij N.A. *Slovar' russkih lichnykh imen: ok. 2600 imen* [Dictionary of Russian Personal Names: about 2,600 Entries]. 2nd ed. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1980. 384 p.
14. Polockaya E.A. “*Vishnevyy sad*”: *zhizn' vo vremeni* [The Cherry Orchard: Life in Time]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 381 p.
15. *Slovar' biblejskih obrazov* [Dictionary of Biblical Imagery]. Edited by L. Ryken, J.C. Wilhoit, T. Longman III. Saint Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ., 2008. 1423 p.
16. Turbin V.N. *Pushkin. Gogol'. Lermontov. Ob izuchenii literaturnykh zhanrov* [Pushkin. Gogol. Lermontov. On the Study of Literary Genres]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978. 238 p.
17. *Uchebnaja Biblija s kommentarijami Dzhona Mak-Artura* [The MacArthur Study Bible]. Loves Park, IL, Slavic Gospel Association Publ., 2004. 2201 p.
18. Chernov A.Yu. *Govoryashchie imena v “Gamlete”* [Tell-Tale Names in *Hamlet*]. Available at: <https://nestoriana.wordpress.com/2013/02/15/poetika-zagadok-gamleta> (accessed 01.08.2021).
19. Chekhov A.P. *Vishnevyy sad* [The Cherry Orchard]. Moscow, Detskaya literature Publ., 1978. 59 p.
20. *Chekhoviana: “Zvuk lopnuvshej struny”: k 100-letiyu p'esy “Vishnevyy sad”* [Chekhoviana: “The Sound of a Breaking String”: in Commemoration of the Centenary of the Play *The Cherry Orchard*]. Edited by V.V. Gul'chenko. Moscow, Nauka Publ., 2005. 594 p.
21. Shakespeare W. *Tragediya o Gamlete prince Datskom* [The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark]. Saint Petersburg, Azbooka-classic Publ., 2003. 416 p.
22. Shaw G.B. Heartbreak house. Stilwell, KS: Digireads.com. 89 p.

Nataliya N. Goncharova, Candidate of Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), nng@bk.ru

Received 4 August 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гончарова, Н.Н. Образ прохожего в «Вишневом саде» А.П. Чехова: литературный, житейный и библейский аспекты / Н.Н. Гончарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 11–17. DOI: 10.14529/ling210402

FOR CITATION

Goncharova N.N. Image of Passer-by in Anton Chekhov's the Cherry Orchard: Literary, Hagiographical, and Biblical Aspects. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021, vol. 18, no. 4, pp. 11–17. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling210402